

Предисловие

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА) приступил к изданию серии учебников и учебных пособий для бакалавров по направлению подготовки «Юриспруденция».

С 2011 г. Российская Федерация перешла на уровневую систему высшего профессионального образования, включающую уровни — бакалавриат и магистратуру. Министерством образования и науки Российской Федерации утверждены федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования (ФГОС ВПО) по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция» (квалификации (степени) «бакалавр» и «магистр»), разработанные Учебно-методическим объединением по юридическому образованию вузов Российской Федерации совместно с работодателями и их объединениями, в первую очередь — с Ассоциацией юристов России.

Учебники, вошедшие в серию, полностью соответствуют требованиям ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция» (квалификации (степени) «бакалавр»), примерной основной образовательной программе бакалавриата, утвержденной Учебно-методическим объединением, и примерным программам учебных дисциплин, являющихся составной частью основной образовательной программы. Более того, все учебники подготовлены профессорско-преподавательским коллективом Московского государственного университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), который и разрабатывал примерные программы учебных дисциплин базовой части ФГОС ВПО для бакалавриата.

Учебники и пособия по учебным дисциплинам вариативной части основной образовательной программы для бакалавров юриспруденции подготовлены в соответствии с учебным планом Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА).

Предложенная серия учебников и учебных пособий адресована студентам, обучающимся по программам бакалавриата, преподавателям вузов, практикующим юристам и всем интересующимся правом.

*Ректор Московского государственного
юридического университета
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
сопредседатель Учебно-методического объединения
по юридическому образованию вузов
Российской Федерации
В. В. Блажеев*

Введение

В заявлении Председателя Совета Безопасности ООН от 22 июня 2006 г. отмечается, что «международное право играет важную роль в укреплении стабильности и порядка в международных отношениях и создании условий для сотрудничества между государствами в решении общих проблем, содействуя тем самым поддержанию международного мира и безопасности»¹.

Если раньше международное право служило инструментом, предназначенным для регулирования формальной дипломатии, то теперь оно расширилось настолько, что стало охватывать самые разнообразные сферы международной жизни.

I. Взаимосвязь международного права с другими отраслями науки. Международное право как отрасль общественной науки теснейшим образом взаимосвязано с самостоятельными гуманитарными дисциплинами, и прежде всего с историей международных отношений, политологией, внешней политикой, дипломатией, мировой экономикой, социологией и другими науками, имеющими международную составляющую. *История международных отношений* — это наука, объектом которой выступают реально существующие связи и взаимодействия участников мировой политики. В рамках этой науки изучаются такие элементы международных отношений, как конфликты, кризисы, переговоры, принятие решений, сотрудничество, международные организации. Например, видный специалист по теории международных отношений В. А. Кременюк считает, что отличительными чертами системы международных переговоров является то, что она: 1) отражает существенную систему современных конфликтов и споров, становится все более универсальной и объединяет формальные и неформальные процедуры; 2) приобретает самостоятельность, т. е. находит свои закономерности и правила поведения; 3) вносит свой вклад в стабильность и развитие; 4) участники современных переговоров становятся заинтересованными в реализации не только собственных интересов, но и интересов своих партнеров².

Переговоры также являются одним из важнейших институтов международного права. С помощью их происходит согласование волей субъектов при разработке норм международного права, разрешаются конфликты, определяются формы и методы сотрудничества и т. д.

Международное право взаимодействует с *политологией*. Британский политолог Д. Хелд в самом общем виде понимает политику как борьбу за организацию человеческих взаимоотношений, как явление всеобщей взаимосвязи социальных групп, институтов и обществ (государств), обусловленное всеми видами жизнедеятельности людей в их общественной и частной форме. По мнению Д. Хелда, политика находит свое выражение в сотрудничестве, переговорах и борьбе вокруг вопросов использования, производства и распределения ресурсов³. Как известно, основы поли-

¹ ООН. Совет Безопасности. S/PRST/2006/28. 22 June 2006.

² См.: Кременюк В. А. Формирование системы международного общения // Дипломатический вестник. Год 1987. М., 1988. С. 87.

³ См.: Политология: учебник. М., 2009. С. 18.

тических отношений были заложены древнегреческими философами Аристотелем в его трудах «Политика», «Афинская политика» и Платоном в книгах «Государство», «Политика», «Законы». Политологи, в частности, детально проанализировали этапы развития Версальской модели мира, а также влияние глобализации на развитие международного сообщества.

В ходе рассмотрения никарагуано-гондурасского спора в 1988 г. Международный суд отметил, что «политические аспекты могут присутствовать в любом деле. В его задачу входит установить, что спор, представленный ему, — правовой, т. е. может быть разрешен с помощью принципов и норм международного права. Суда не касается, что государство, ищущее судебного решения, может руководствоваться политическими соображениями».

По справедливому утверждению ряда американских ученых, политологи активно участвуют в исследовании многих аспектов международного права и международных организаций. В первую очередь их интересует вопрос о распределении политической силы, и этим они объясняют, какие вопросы могут появиться в повестке дня в будущем. Во-вторых, ими излагаются типы проблем, которые государства и другие акторы (т. е. действующие лица) пытаются урегулировать посредством международных соглашений. В-третьих, они анализируют, как внутренняя политика (положение дел внутри страны, формы правления, а также судебная система и поведение лоббистских групп) влияет на процессы формирования, толкования и применения международно-правовых норм.

Эти авторы провели обзор ключевых теорий и эмпирических подтверждений, которые появились в западной литературе в последние десятилетия. Они исследовали мнения представителей различных школ политического реализма по вопросу о том, каким образом сила: 1) проявляет себя в способности принуждать (Г. Моргентау, К. Уолтц, Р. Даль и др.); 2) влияет на процесс определения и на сам процесс нормотворчества (Р. Маккелви, К. Шепсель, В. Райкер и др.); 3) оказывает влияние на желания и убеждения людей посредством создания норм, в том числе и международно-правовых норм (Дж. Руги, Т. Франк, а также Нью-Хайвенская школа в лице Г. Ласвелла, М. Макдугала и др.); 4) влияет на формирование систем знаний и социальной практики (М. Фуко, М. Барнетт, Р. Дюваль, М. Финнемор и др.).

Авторы призывают политологов и юристов-международников к сотрудничеству. По их мнению, наиболее перспективными являются следующие области возможного взаимодействия: 1) структура и содержание международно-правовых и институционных основ — в первом случае это договоры и рекомендательные соглашения, не обладающие юридической силой (т. е. не содержащие нормы права), во-втором — многочисленные международные организации, которые осуществляют толкование и применение международно-правовых норм, включая нормы обычного права и стандарты, зафиксированные в договорном праве; 2) эффективность международно-правовых институтов, оказывающих влияние на поведение государств, судов, корпораций и индивидов¹.

¹ См.: *Hafner-Burton E., Victor D. and Lupu Y. Political Science Research on International Law: The State of the Field // American Journal of International Law. Vol. 106. 2012. № 1. P. 47.*

Как отмечал видный советский ученый Г. И. Тункин, соотношение международного права, внешней политики и дипломатии имеет три аспекта: влияние внешней политики и дипломатии на развитие международного права; обратное влияние международного права на внешнюю политику государства; использование государствами международного права как опоры для внешней политики¹. Он обратил внимание на то, что «главную роль в процессе создания норм международного права играет *дипломатия*. Это положение относится к формулированию норм международного права как договорным, так и обычным путем»².

В политике, как и в науке, отмечал В. И. Ленин, следует научиться воспринимать вещи объективно³. Внешняя политика Российской Федерации основывается на Конституции Российской Федерации. Как отметил Президент Российской Федерации В. В. Путин, «Россия продолжит вести активную политику на международной арене, применяя современные методы экономической дипломатии и мягкой силы, грамотно встраиваясь в информационные потоки»⁴.

Недопустимо применять силу, нарушая Устав ООН. «Попытки подменить универсальные принципы Устава ООН односторонними действиями или некими блоковыми договоренностями и тем более применять силу в обход ООН до добра, как известно, не доводят. Такие действия чреваты дестабилизацией и хаосом, и так называемое управление кризисом не работает», — напомнил российский Президент⁵.

На современном этапе развития международные отношения продолжают усложняться, их развитие становится все более трудно предсказуемым. На первый план выдвигаются наряду с военной мощью такие важные факторы влияния, как экономические, правовые, научно-технические, экологические, демографические и информационные.

В Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г., отмечается, что опасность для международного мира и стабильности представляют попытки регулировать кризисы путем применения вне рамок Совета Безопасности ООН одностороннего санкционированного давления и иных мер силового воздействия, включая вооруженную агрессию. В отдельных случаях открыто игнорируются основополагающие международно-правовые принципы неприменения силы, прерогативы Совета Безопасности ООН, допускается произвольное прочтение его резолюций, реализуются концепции, направленные на свержение законной власти в суверенных государствах с использованием лозунгов защиты гражданского населения. Применение принудительных мер и вооруженной силы в обход Устава ООН и Совета Безопасности ООН неспособно устранить глубокие социально-экономические, межэтнические и другие противоречия, лежащие в основе конфликтов. Оно лишь ведет к расширению конфликтного пространства, провоцирует напряженность и гонку вооружений, усугубляет межгосударственные противоречия, разжигает национальную и религиозную рознь.

¹ См.: Тункин Г. И. Теория международного права. М., 1970. С. 307.

² Там же. С. 307.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 16.

⁴ Российская газета. 2012. 18 февр.

⁵ Информационный бюллетень МИД России. 2012. 26 сент. С. 3.

В настоящее время на первый план в международной политике выходят имеющие **трансграничную** природу новые вызовы и угрозы. Прежде всего это опасность распространения оружия массового уничтожения и средств его доставки, международный терроризм, неконтролируемый трафик оружия и боевиков, нелегальная миграция, морское пиратство, незаконный оборот наркотиков, коррупция, региональные и внутренние конфликты, дефицит жизненно важных ресурсов, демографические проблемы, глобальная бедность, экологические вызовы, изменение климата, угрозы информационной и продовольственной безопасности.

Глобальные вызовы и угрозы требуют адекватного ответа со стороны международного сообщества, его солидарных усилий при центральной координирующей роли ООН и с учетом объективной взаимосвязанности вопросов безопасности, обеспечения устойчивого развития и защиты прав человека.

В Концепции определены следующие приоритеты Российской Федерации в решении глобальных проблем: формирование нового мироустройства; верховенство права в международных отношениях; укрепление международной безопасности, международное экономическое и экологическое сотрудничество; международное гуманитарное сотрудничество и права человека; информационное сопровождение внешнеполитической деятельности.

Более подробно остановимся на верховенстве права в международных отношениях. Как справедливо замечает Р. А. Каламкарян, концепция «господства права» в доктринальном плане сопоставима с концепцией примата права в международных отношениях. Ставя общую задачу — строгое обеспечение взаимосогласованных постановлений международного права, концепции примата и «господства права» согласуются между собой и имеют конечную цель — прогрессивное переустройство международного правопорядка. Обе концепции одинаково приемлемы и потому должны быть взяты за основу всеми государствами в своей дипломатической деятельности, что отвечало бы коренным интересам человечества¹.

Концепция верховенства права изложена в Декларации тысячелетия ООН, принятой на Саммите тысячелетия 8 сентября 2000 г. (п. 9), и детально раскрыта в докладах Генерального секретаря ООН. Российская Федерация последовательно выступает за укрепление правовых основ в международных отношениях, добросовестно соблюдает международно-правовые обязательства. Поддержание и укрепление международной законности — одно из приоритетных направлений ее деятельности на международной арене. Верховенство права призвано обеспечить мирное и плодотворное сотрудничество государств при соблюдении баланса их зачастую несовпадающих интересов, а также гарантировать стабильность мирового сообщества в целом.

Главная цель верховенства международного права в международных отношениях должна заключаться в следующем.

1. Верховенство права относится ко всем государствам и международным организациям. Уважение и поощрение верховенства права должно служить руководством во всех аспектах их деятельности и обеспечивать предсказуемость и легитимность их действий.

¹ См.: Каламкарян Р. А. Господство права в международных отношениях. М., 2004. С. 85.

2. Все акторы международного права обязаны соблюдать справедливые, беспристрастные и основанные на равноправии нормы и принципы международного права, без всякого различия, а также иметь право на равную защиту.

3. Все акторы международного права должны иметь равный доступ к системе международного правосудия. Государства обязаны принимать все необходимые меры для оказания справедливых, транспарентных, эффективных, недискриминационных услуг, которые способствуют доступу к системе международного правосудия для всех.

4. Верховенство международного права должно играть ключевую роль в предотвращении конфликтов и миростроительства и в разрешении постконфликтных ситуаций.

5. Верховенство права должно обеспечить непримиримое отношение и безнаказанности за геноцид, военные преступления и преступления против человечности или за нарушения норм международного гуманитарного права и грубые нарушения норм в области прав человека, а также надлежащее расследование таких нарушений и соответствующее наказание за них путем использования региональных или международных механизмов в соответствии с нормами международного права.

6. Верховенство права должно обеспечить укрепление международного сотрудничества во всех областях международных отношений на основе принципов общей ответственности и в соответствии с нормами международного права и способствовать ликвидации незаконных сетей и борьбе с наркотиками, транснациональной организованной преступностью, поскольку они создают угрозу международной безопасности и подрывают верховенство права.

7. Верховенство права должно способствовать ликвидации терроризма во всех его формах и проявлениях, поскольку он является одной из самых серьезных угроз для международного мира и безопасности. Все меры по борьбе с терроризмом должны соответствовать обязательствам государств по международному праву, в том числе Уставу ООН, конвенциям и протоколам в этой области.

Ключевым условием достижения стабильности в международных отношениях является верховенство права. Как отмечает министр иностранных дел РФ С. В. Лавров, отход от этого принципа, какими бы благовидными предложениями он ни обставлялся, будет разрушать фундамент, на котором зиждется вся система международных отношений¹.

Россия намерена: а) поддерживать коллективные усилия по укреплению правовых основ в межгосударственных отношениях; б) противодействовать попыткам отдельных государств или групп государств подвергать ревизии общепризнанные нормы международного права, отраженные в Уставе ООН 1945 г., Декларации о принципах международного права 1970 г., Заключительном акте Хельсинки 1975 г., в) содействовать кодификации и прогрессивному развитию международного права, прежде всего осуществляемым под эгидой ООН, достижению универсального участия в международных договорах, их единообразному толкованию и применению; г) продолжать усилия по совершенствованию санкционного инструментария ООН, вести дело на коллегиальной основе после всесторонней

¹ См.: Лавров С. В. Международные отношения в зоне турбулентности — где точки опоры?// МИД России. Информационный бюллетень. 2011. 20 дек. С. 4.

проработки, прежде всего с учетом их эффективности для решения задач поддержания международного мира и безопасности и ненанесения ущерба гуманитарной ситуации; д) вести дело к завершению международно-правового оформления государственной границы Российской Федерации, а также границ морского пространства, в отношении которого она осуществляет суверенные права и юрисдикцию, при безусловном обеспечении национальных интересов России.

II. Управленческая функция международного права. По мнению О. Н. Хлестова, международное право — это совокупность международно-правовых принципов и норм, которые, с одной стороны, определяют правовой статус участников международного общения (государств, международных организаций), их права при осуществлении связей и правила их поведения на международной арене¹. Бесспорно, эта функция международного права имеет место быть. Но главное его предназначение — управление международным сотрудничеством, т. е. гораздо шире, глубже и сложнее.

Российская Федерация является активным сторонником управления международными отношениями на региональном и глобальном уровнях.

В Декларации Совещания на высоком уровне Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о верховенстве права на национальном и международном уровнях от 24 сентября 2012 г. неоднократно указывается на необходимость управления на международном уровне².

Как указывает министр иностранных дел С. В. Лавров, «сегодня повсеместно признается, что одной из примет развития международных отношений является укрепление регионального уровня глобального управления». Убеждены, считает С. В. Лавров, что такими ориентирами должны быть прежде всего уважение основополагающих норм и принципов международного права, четкое, строгое и ответственное отношение к положениям Устава ООН, укрепление роли Всемирной организации в качестве альтернативного форума, обладающего всеобъемлющим мандатом и общепризнанной легитимностью, повышение эффективности ее структур и механизмов в интересах адекватного реагирования на все многообразие современных рисков и угроз³.

III. Международное право — динамично развивающаяся система права. Под влиянием объективных событий, дальнейшего развития и углубления глобализации и расширения международного сотрудничества в международном праве сформировался ряд самостоятельных отраслей, прежде всего международное трудовое право и международное процессуальное право.

Международное трудовое право, считает Д. К. Бекишев, — это отрасль международного публичного права, представляющая собой совокупность правовых норм, регулирующих отношения между субъектами международного права, касающиеся трудовых прав человека, занятости, условий труда, социального партнерства, социального обеспечения и трудовой миграции⁴. Нормы этой отрасли права кодифицированы в более чем 200 конвенциях и большом количестве двусторонних соглашений.

¹ См.: Хлестов О. Н. Роль международного права в жизни мирового сообщества // Евразийский юридический журнал. 2013. № 4 (59). С. 14.

² См.: Док. ООН/А/Res/67/1. 30 November 2012. P. 6.

³ Лавров С. В. Указ соч. С. 2–3.

⁴ См.: Бекишев Д. К. Международное трудовое право: публично-правовые аспекты: учебник. М., 2013. С. 13.

Кафедре международного права Московского государственного университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) принадлежит большая заслуга в обосновании становления международного процессуального права и определении его принципов и институтов. Международное процессуальное право — это совокупность принципов и норм, регулирующих порядок осуществления прав и обязанностей субъектов международного права, деятельности международных судебных и арбитражных органов¹.

Справедливости ради отмечу, что еще в начале XX в. видный советский юрист-международник Е. А. Коровин обратил внимание на наличие этой отрасли права. Однако под международным процессуальным правом он понимал только процесс разрешения и урегулирования межгосударственных споров².

В последние годы заметно увеличивается количество межгосударственных объединений, например, СНГ, ЕврАзЭС, Евразийская экономическая комиссия, Евразийское экономическое пространство, НАФТА, КАРИКОМ, БРИКС, САКУ, АТЭС и др. Правовой статус многих этих объединений наука международного права не определила. Проведенные рядом российских авторов исследования являются противоречивыми. Например, в одной из монографий, посвященной ЕврАзЭС, последнее называется по-разному: межгосударственное интеграционное объединение или межгосударственная организация³. В монографии, посвященной специально правовым механизмам АТЭС, правовой статус последнего не определен⁴.

Американские специалисты Г. Шаффер и Т. Гинзбург справедливо призывают к расширению научных исследований новых проблем международного права.

По их мнению, необходимы эмпирические исследования в области международного права. В научных трудах последнего времени наблюдается отход от теоретических споров и значимости международного права. Эти авторы пытаются сконструировать «условную теорию международного права» (*Conditional International Law Theory*). С помощью этой теории авторы пытаются объяснить, как и при каких обстоятельствах функционирует международное право⁵.

В Российской Федерации и других странах ведутся исследования актуальных проблем современного международного права, но не всегда можно согласиться с их предложениями. Отмечу некоторые из них.

Т. Р. Короткий предлагает новый подход к содержанию суверенитета: во-первых, суверенитет как внутреннее понятие есть высший политический авторитет как таковой; во-вторых, суверенитет в международных отношениях означает государственную самостоятельность в качестве субъекта внешней политики; в-третьих, суверенитет есть совокупность

¹ См.: Международное публичное право: учебник / отв. ред. К. А. Бекашев. М., 2009. С. 943.

² См.: Коровин Е. А. Современное международное публичное право. М.; Л., 1926. С. 133.

³ См.: Правовые проблемы формирования межгосударственных объединений / отв. ред. В. Ю. Лукьянова. М., 2012. С. 66.

⁴ См.: Саммит АТЭС: правовые механизмы региональной интеграции. М., 2012. С. 21–36.

⁵ См.: Shaffer G. and Ginsburg T. The Empirical Turn in International Legal Scholarship// American Journal of International Law. Vol. 106. 2012. № 1. P. 1–46.

международных легально существующих свобод, которыми обладает государство в определенный момент времени. По его мнению, третье качество суверенитета может отторгаться, например, в связи с вступлением государства в интернациональное объединение. Именно на основе этого качества суверенитета, считает Т. Р. Короткий, каждое государство — член ЕС делегирует ему определенные национальные полномочия и наделяет его международной правосубъектностью¹.

С таким предложением согласиться нельзя. В целом можно солидаризоваться с В. С. Хижняк в том, что «все идеи и теории, связанные с необходимостью максимального ограничения суверенитета, десоверенизации и т. д., навязываемые России через политику США и многих западноевропейских государств, не имеют ничего общего с необходимостью установления мира и безопасности в международных отношениях, защиты прав человека, борьбой международной преступностью. Их цель — унификация мира в интересах мирового центра власти»². Еще раньше известный политолог А. С. Ципко по этому вопросу высказался предельно конкретно: «Те, кто уничтожает суверенитет и достоинство своего государства, вольно или невольно работают на упрочнение державности и суверенитета его конкурентов. Средней позиции в этом вопросе о суверенитете нет»³.

Е. М. Примаков считает, что «в развитии интеграционного процесса на постсоветском пространстве не обойтись без наднациональных структур, в пользу которых должна отойти часть суверенитета государств — участников интеграционного объединения — без этой неизбежности интеграция застрянет лишь на начальном этапе»⁴.

Иного мнения придерживается президент Белоруссии А. Г. Лукашенко. По его мнению, в связи с созданием в 2015 г. Евразийского союза «никто свой суверенитет не ограничивает»⁵. Сказано справедливо и с международно-правовой точки зрения верно.

Некоторые ученые (В. М. Шумилов, Ю. Н. Малеев) предлагают наделить ООН полномочиями мирового правительства. Например, Ю. Н. Малеев пишет: «ООН должна принять на себя роль мирового правительства. Притом правительства — не исполнительного органа, как это имеет место в государствах, а самостоятельного надгосударственного института, не имеющего над собой иной власти»⁶.

Согласиться с таким предложением нельзя. Напомню в этой связи, что Международный суд ООН в своем консультативном заключении от 11 апреля 1949 г. со всей решительностью указал на то, что ООН «никак не является сверхдержавой» и не может быть мировым правительством.

Международное право из права координационного стало правом управления поведением субъектов и международными отношениями в целом. Об этом подробно излагается в учебнике «Международное публичное

¹ См.: Короткий Т. В. От *Jus Inter Gentes* к *Jus Inter Civilisatione* // Альманах международного права. Вып. 2. Одесса, 2010. С. 145–150.

² Хижняк В. С. Проблемы ограничения государственного суверенитета в международных отношениях и национальные интересы РФ // Правоведение. 2011. № 2. С. 107.

³ Ципко А. С. Аргументы в защиту российского суверенитета // Международная жизнь. 2003. № 8. С. 76.

⁴ Примаков Е. М. 2011 год: взгляд в будущее // Российская газета. 2012. 16 янв.

⁵ Российская газета. 2011. 21 нояб.

⁶ Малеев Ю. Н. Право международного управления: современные приоритеты // Московский журнал международного права. 2011. № 4. С. 18.

право», подготовленном кафедрой международного права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (М., 2011. С. 18–19).

Ю. Н. Малеев полагает, что «международное управление можно определить как внешнее управление наднационального характера делами данного государства, а также кризисной ситуацией или районом (ресурсами, деятельностью) в пределах международной территории общего пользования по договору между заинтересованными государствами или по решению международной организации»¹. В полной мере с этим определением согласиться также нельзя. Во-первых, международное управление не является наднациональной функцией, поскольку над государствами нет и не может быть «командующего» органа верховной власти. Во-вторых, международное право не может управлять районом или ресурсами международной территории. В-третьих, нуждается в уточнении формулировка Ю. Н. Малеева «внешнее управление наднационального характера делами данного государства». Немыслимо себе представить, каким образом одно государство «наднационально» может управлять другим государством. В-четвертых, ни одна современная международная межправительственная организация не обладает наднациональными функциями в плане управления поведением государств — первичных субъектов международного права.

Многие годы одной из актуальных проблем является формирование и доказательство существования международного обычного права. Эта тема включена в предварительную повестку дня 65-й сессии Комиссии международного права ООН.

В. М. Шуршалов отмечал, что международный обычай — менее совершенный источник международного права, чем договор, соответственно обычная норма менее совершенна по сравнению с договорной нормой. Поэтому превращение обычной нормы в договорную путем включения ее в конкретные межгосударственные соглашения или путем ее кодификации содействует прогрессивному развитию международного права, поскольку такое развитие способствует более четкой регламентации прав и обязанностей государств, которые образуют содержание правоотношения, и вместе с тем обеспечивает укрепление законности и правопорядка в международных отношениях².

Иного мнения придерживаются А. Н. Вылегжанин и Р. А. Каламкарян. Они считают, что в результате согласованного волеизъявления государств создаются нормы договорного и обычного характера. Однако государства непосредственно путем волеизъявления не создают обычные нормы международного права. Эти нормы вырастают из международной жизни. Государства согласно ст. 38 Статута Международного суда всего лишь признают международный обычай в качестве правовой нормы.

Далее эти авторы пишут, что в современном международном праве нет оснований для построения соподчиненности между договорными и обычными нормами. Они равнозначны, взаимосвязанны, что не умаляет, однако, общей направляющей роли именно международного обычного права³.

¹ Малеев Ю. Н. Указ. соч. С. 6.

² Шуршалов В. М. Международные правоотношения. М., 1976. С. 23.

³ См.: Вылегжанин А. Н., Каламкарян Р. А. Значение международного обычая в современном международном праве // Московский журнал международного права. 2012. № 2. С. 26.

С этим суждением согласиться не могу. Вне сомнения, договорные нормы являются приоритетными перед обычными. Например, в преамбуле Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. сказано, что «вопросы, не регулируемые настоящей Конвенцией, продолжают регулироваться нормами и принципами общего международного права».

В ст. 38 Статута Международного суда вначале указаны международные конвенции, а затем уже международный обычай. Трудно представить себе общую направляющую роль международного обычного права. Практика не подтверждает данное утверждение авторов.

Как отмечал В. М. Шуршалов, в советской литературе господствовало то убеждение, что «обычай занимает второе место среди источников международного права и имеет меньшее значение по сравнению с договорными нормами»¹.

Не могу не затронуть еще одну проблему — правосубъектность индивида в международном праве.

Еще в конце 20-х гг. минувшего века Постоянная палата международного правосудия в своем консультативном заключении по вопросу о юрисдикции Данцигских судов отметила, что государства могут путем договора предоставить отдельным лицам права на обращение в международные суды.

В 1947 г. крупнейший английский юрист-международник Л. Оппенгейм считал, что «хотя нормальными субъектами международного права являются государства, они могут рассматривать физических и иных лиц как непосредственно наделенных международными правами и обязанностями и в этих пределах их субъектами международного права»².

В приговоре Нюрнбергского Международного военного трибунала 1945 г. говорится: «Преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактами образованиями, и только путем наказания индивидов, совершающих такие преступления, предписания международного права могут быть принудительно осуществлены»³.

Как справедливо отметил Г. В. Игнатенко, «предмет международно-правового регулирования приобретает новые, выходящие за традиционные границы очертания, что обусловлено внедрением в международные отношения участников, не обладающих государственно-властными свойствами, в их числе индивидов (физических лиц), действующих в качестве субъектов международного права от собственного имени или в согласии с государством»⁴.

В учебной литературе вопрос о правосубъектности индивида впервые был подробно изложен в учебнике МГЮА «Международное публичное право» (М., 1996. С. 482–487). В настоящее время этой проблеме уделено соответствующее внимание во всех учебниках, в том числе в учебнике Казанского университета «Международное право. Общая часть» (Казань, 2011. С. 362–364).

Однако не все российские ученые считают индивида субъектом международного права, даже в ограниченном объеме. По моему мнению, единственным активным противником правосубъектности индивида является

¹ Шуршалов В. М. Указ. соч. С. 21.

² Оппенгейм Л. Международное право. Т. 1. Полутом I / пер. с англ. М., 1948. С. 42.

³ Нюрнбергский процесс над главными военными преступниками. Т. 1. 1957.

⁴ Игнатенко Г. В., Игнатенко А. В. Избранное. Екатеринбург, 2012. С. 158–159.

С. В. Черниченко. В своей фундаментальной по содержанию работе он пишет: «Если физические и юридические лица не имеют прямого выхода на международную арену, они не адресаты международного права (не его субъекты). Но если они не его адресаты (субъекты), то они не могут быть и участниками отношений, урегулированных международным правом (субъектами международных правоотношений)»¹.

IV. Международное право *de lege ferenda*. Кратко коснусь лишь некоторых проблем, которые возникли буквально недавно, но требуют своего адекватного решения.

В области *международной защиты прав человека* актуальными и требующими серьезного исследования являются проблемы соблюдения государствами международных стандартов, современные формы расизма, расовой дискриминации, ксенофобии, миграционная политика, гендерное равенство, расширение прав женщин. Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун предупредил мировых лидеров об опасностях, с которыми придется столкнуться мировому сообществу в эпоху растущей нестабильности, неравенства, несправедливости и нетерпимости. Он подчеркнул, что необходима коллективная ответственность мировых лидеров. Достижению этой цели, по мнению Пан Ги Муна, может способствовать соблюдение всеми без исключения государствами принципов и норм международного права².

Концепция «ответственность по защите» (Responsibility to protect) — это относительно новое понятие. Его основа была заложена в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г., принятого с участием России.

Суть этой концепции сводится к тому, что: а) государства несут главную ответственность по защите собственного населения от геноцида, военных преступлений, преступлений против человечности и этнических чисток, а роль международного сообщества заключается прежде всего в оказании им экспертного, гуманитарного, дипломатического содействия в выполнении этих обязанностей; б) это не исключает при необходимости применения принудительных мер в том случае, если мирные средства недостаточны и национальные органы власти не в состоянии защитить свое население. Однако такое решение может быть принято только Советом Безопасности ООН, который должен действовать в соответствии с главой VII Устава.

Операцию НАТО в Ливии США и западные страны рассматривают как успешный пример реализации этой концепции. Звучат призывы к повтору ливийского сценария в Сирии.

Партнеры России по БРИКС (Китай и Бразилия) демонстрируют повышенный интерес к данной проблематике, в их экспертной и научной среде разрабатываются собственные концепции в противовес или в дополнение к «ответственности по защите».

Формирование российской позиции по концепции «ответственность по защите» должно быть произведено на базе Концепции внешней политики Российской Федерации от 12 февраля 2013 г.

¹ См.: Черниченко С. В. Очерки по философии и международному праву. М., 2009. С. 650–652.

² См.: Иванов Д. В., Колесникова А. В. Актуальные вопросы соблюдения государствами международных стандартов в области прав человека // Московский журнал международного права. 2013. № 4 (88). С. 3–19.

В целом важно исходить из того, что национальным интересам России отвечает защита принципов международного права и базовых ценностей Устава ООН с акцентом на уважение суверенитета государств, невмешательство в их внутренние дела, мирное урегулирование споров.

Ключевой элемент данной концепции заключается в следующем. Главную ответственность в вопросах защиты своего населения несут государства. Международное содействие должно быть прежде всего мирного характера с подключением, когда это юридически и политически оправдано, потенциала главы VII Устава ООН. Применение военной силы может быть правомерным только в крайних случаях и с санкции Совета Безопасности ООН. Применение силы должно быть в строгом соответствии с международным правом и санкцией Совета Безопасности, отвечающим критериям пропорциональности, соразмерности, ограниченности по времени, подотчетности Совету Безопасности и т. д.

Вольные толкования концепции «ответственность по защите» сверх того, что было заложено в Итоговом документе Всемирного саммита 2005 г., приведут к повторению судьбы концепции «гуманитарной интервенции».

При применении концепции «ответственность по защите» принципиально важным является вопрос о судьбе гражданского населения и обстановке в стране после применения силового компонента «ответственности по защите». Необходимо обратить внимание на то, что мир сегодня до сих пор переживает последствия интервенций, которые, по сути, лишь усугубили существующие конфликты, положение гражданского населения и обстановку в соответствующих странах, позволив терроризму и экстремизму процветать там, где раньше его практически не было, давая импульсы новым волнам насилия и делая еще более уязвимым гражданское население.

Трехкомпонентная структура концепции «ответственность по защите», подробно изложенная в докладе Генерального секретаря ООН «Выполнение обязанности защищать (A/63/677)», направленном на поддержку позиции глав государств — участников Саммита 2005 г., возможно, выиграла бы за счет более рельефного отражения элемента помощи международного сообщества в посткризисном урегулировании и восстановлении нормального функционирования гражданской инфраструктуры, оказании гуманитарной помощи пострадавшему населению¹.

Если Совет Безопасности в результате разногласия постоянных членов оказывается не в состоянии выполнить свою главную обязанность в реализации концепции «ответственность по защите» и при этом имеются основания усмотреть угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии, то, по моему мнению, Генеральная Ассамблея должна немедленно рассмотреть этот вопрос с целью сделать членам ООН необходимые рекомендации относительно коллективных мер, включая — в случае нарушения мира или

¹ Подробнее см.: *Ашавский Б. М.* Концепции относительно обязанности защищать в контексте международного права // Евразийский юридический журнал. 2012. № 12 (55). С. 41–46; *Котляр В.* «Ответственность при защите» и «арабская весна» // Международная жизнь. 2012. № 9. С. 99–104; Роль региональных и субрегиональных соглашений в реализации ответственности по защите. Доклад Генерального секретаря ООН. Генеральная Ассамблея. Совет Безопасности. A/65/877_S/2011/393. 28 June 2011; *Orford A.* International Authority and the Responsibility to Protect. Cambridge University Press, 2011; *The United Nations and RtoP* // American Journal of International Law. Vol. 106. 2012. № 3. P. 305–309.

акта агрессии — применение, когда это необходимо, вооруженных сил для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Правовым основанием для такого беспрецедентного шага является резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Единство в пользу мира» № 377 (V) от 3 ноября 1950 г.

Односторонние санкции и международное право. В рамках ООН длительное время рассматривается правомерность принятия в обход Совета Безопасности принудительных санкций в одностороннем порядке.

Как известно, США, ряд других государств и ЕС ввели такие санкции против Белоруссии, Сирии, Ирана. И этим не ограничиваются примеры односторонних действий, вызывающих вопросы у мирового сообщества, особенно когда подобным действиям придается экстерриториальный характер.

Понятно, что государства, прибегая к санкциям, преследуют политические цели. Но применение санкций имеет и существенную правовую составляющую.

В рамках Международно-правового совета при МИД России (К. А. Бекашев является членом этого совета) разработаны выводы, сущность которых заключается в том, что применение односторонних санкций в международном праве ограничено жесткими условиями, при несоблюдении которых возникает политическая и международно-правовая ответственность¹.

Международно-правовое запрещение кибератак. Специалисты выделяют три вида новых опасностей, с которыми столкнулись в связи с развитием инфосферы: доступ иностранных правительств к личным данным и стратегически важной деловой и политической информации; кибератаки на ресурсы общенационального значения (хранилища данных, объекты инфраструктуры, СМИ и социальные сети) со стороны террористов или маргинальных правительств; доступность чрезвычайно опасных технологий одиночкам (те же DDoS-атаки или рассылка сообщений с чужих адресов).

Разоблачения Сноудена — бывшего сотрудника ЦРУ США в сочетании с утечками, имевшими место ранее (WikiLeaks, Вильям Бинни и др.), показывают, что у США есть значительные преимущества перед другими государствами и они могут использовать эти возможности для недобросовестной конкуренции, в том числе в сфере экономики².

В 1998 г. была произведена атака правительственных сайтов Индонезии силами 3000 китайских хакеров. С тех пор предпринимались десятки попыток проникнуть в главные компьютерные сети, принадлежащие министерствам обороны, СМИ. Такие случаи происходят ежедневно. Большая часть этих компьютерных взломов имеет целью похищение или промышленный шпионаж и обычно обозначается как «эксплуатация компьютерной сети» (ЭКС). Возможно, более подходящим было бы название «вмешательство в компьютерную сеть» (ВКС).

В западной литературе обсуждаются три случая международной кибератаки.

Эстония и НАТО. Апрель 2007 г. В ответ на перемещение мемориала советским войнам хакеры начали вмешиваться в работу эстонских

¹ См.: Геворгян К. «Односторонние санкции» и международное право // Международная жизнь. 2012. № 8. С. 92–98.

² См.: Левин Л. Кибер-ООН // Известия. 2013. 9 июля.

правительственных сайтов через DDoS-атаки. Хакеры переместили некоторые сайты и перенаправляли пользователей на изображение советских солдат. Вмешательство продолжалось примерно месяц. Эстонские официальные лица заявили, что произошедшее было тем же самым, как если бы организованные военные силы закрыли порты Эстонии, и отнеслись к этому как к эпизоду «кибервойны».

Происхождение вмешательства так и осталось неизвестным. Некоторые утверждали, что нападение на Эстонию подлежит рассмотрению по ст. 5 Североатлантического договора. НАТО не ответило контратакой, но зато учредило заведение по интернет-обороне в Эстонии, назвав его Объединенный центр передового опыта киберзащиты. Сама Эстония создала добровольное соединение, подобное такому подразделению в Национальной гвардии США, и стала лидером в определении путей по прекращению онлайн-вмешательств.

Второй случай связан с взаимоотношениями Грузии — России в 2008 г. Первое известное применение Интернета в течение традиционного военного конфликта в целях вмешательства в гражданское использование Интернета. Это произошло в 2008 г. Грузия спровоцировала конфликт, атакуя российских солдат, которые были частью миротворческого контингента на территории Южной Осетии по договору 1991 г. В ночь с 7 на 8 августа Грузия совершила военное нападение, убив примерно 10 российских солдат и ранив многих других. Россия контратаковала, заставив отступить агрессора. Грузия обвинила Россию в инициативе DDoS-атак против ряда грузинских веб-сайтов, включая правительственные.

Третий случай связан со Стакснетом 2009–2010 гг. Компьютерный червь, прозванный Стакснетом, заразил компьютеры Сименса, которые использовались в ядерной программе Ирана. Эксперты полагают, что червь был целенаправленно создан военными США с помощью Израиля и специалистов Сименса. Червь Стакснет поразил также компьютеры и в других странах, включая Индию, Индонезию и Россию.

В 2012 г. Пентагон создал киберкомандование — одну из боевых организаций единой командной системы США.

Вне всякого сомнения, кибератаки являются разновидностью агрессии, и они должны быть запрещены международным правом путем принятия международной конвенции или дополнения понятия агрессии.

Концепция неизбежного вооруженного нападения. Как известно, ст. 51 Устава ООН признает неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на члена ООН. Однако она (самооборона) может продолжаться только до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности. Формулировка этой статьи позволяет утверждать о том, что право на самооборону возможно лишь в ответ на свершившееся вооруженное нападение. Однако Устав ООН не признает за государствами право на применение силы в случаях, когда вооруженное нападение является неизбежным. Устав также не регламентирует права на самооборону в случае нападения негосударственных акторов. Резолюции Совета Безопасности, которые приняты после событий 11 сентября 2001 г., признают, что крупномасштабная террористическая деятельность может квалифицироваться как вооруженное нападение, дающее право на самооборону. Вооруженная сила может применяться против тех, кто планирует и совершает подобные акты, и тех, кто укрывает их.

Однако такие действия правомерны только в том случае, если есть убедительные доказательства о необходимости предотвращения дальнейших террористических актов. Иными словами, государства могут применить в отношении негосударственных акторов меры по самообороне в случаях, когда имеются достаточные основания ожидать последующих неизбежных нападений со стороны террористических групп, даже при отсутствии конкретных доказательств того, что подобное нападение будет иметь место.

Лорд Голдсмит подчеркивает, что концепция самообороны не является статичной. Она должна быть обоснованной и отвечающей новым угрозам и вызовам.

Британским юристом Д. Бетлехемом разработаны условия, которые относятся к объему прав государства на самооборону от неизбежного или реального вооруженного нападения со стороны негосударственных акторов. К таким условиям он относит следующие обстоятельства: 1) государство имеет право на самооборону от неизбежного или реального вооруженного нападения со стороны негосударственных акторов; 2) вооруженные действия в ходе самообороны должны применяться лишь в крайнем случае, если отсутствуют другие разумно доступные эффективные средства, позволяющие отразить неизбежное и реальное вооруженное нападение; 3) вооруженные действия должны сводиться к отражению неизбежного или реального вооруженного нападения и должны быть соразмерны угрозе, с которой приходится сталкиваться; 4) термин «вооруженное нападение» включает как дискретные нападения, так и серии согласованных и непрерывных вооруженных действий; 5) понимание того, что серия нападений, будь то неизбежные или реальные, являет собой пример непрерывной вооруженной деятельности, подкрепляется тем фактом, что имеются разумные и объективные основания, позволяющие делать вывод о том, что те, кто совершает либо угрожает совершением таких нападений, действуют по соглашению; 6) кто действует по соглашению, включает в себя тех, кто планирует, угрожает и совершает нападения на тех, кто оказывает существенную материальную помощь при их совершении, что позволяет говорить о том, что они принимают непосредственное участие в таких нападениях; 7) вооруженные действия при осуществлении самообороны могут быть адресованы тем, кто активно участвует в планировании, угрозах или совершении вооруженных нападений; 8) вопрос о том, может ли вооруженное нападение расцениваться как «неизбежное», должен решаться исходя из всех соответствующих обстоятельств, включая: а) природу и непосредственность угрозы; б) вероятность нападения; в) является ли предполагаемое нападение частью согласованных и непрерывных вооруженных действий; г) предполагаемый масштаб нападения и ущерба, убытков, которые могут наступить при отсутствии смягчающих действий; е) наличия других возможностей, позволяющих предпринимать более эффективные действия в ходе самообороны; 9) государства должны принимать все разумные меры для того, чтобы территория их использовалась негосударственными акторами в целях совершения вооруженных действий; 10) государство не может предпринимать вооруженные действия в порядке самообороны против негосударственного актора на территории или в пределах действия юрисдикции другого государства без согласия такого государства; 11) требование о необходимости наличия согласия не применяется в ситуациях, когда имеются разумные и объективные

основания заключить о том, что третье государство действует в сговоре с негосударственными акторами или иным образом не желает эффективным образом сдерживать вооруженную деятельность негосударственного актора; 12) требование о наличии согласия не применяется в ситуациях, когда имеются разумные и объективные основания, позволяющие заключить о том, что третье государство не в состоянии эффективным образом сдерживать вооруженную деятельность негосударственного актора; 13) согласие может быть стратегическим или оперативным, общим или специальным, явно выраженным или подразумеваемым; 14) указанные выше обстоятельства не затрагивают вопросов применения Устава ООН, включая резолюции Совета Безопасности, относящиеся к использованию силы, либо обычного международного права, относящегося к применению силы и осуществлению права на самооборону; 15) указанные обстоятельства не затрагивают любого права на самооборону, которое может применяться в других обстоятельствах, при которых государство либо его высшие интересы могут выступать объектом неизбежного или реального нападения¹.

Многие предложения Д. Бетлехема заслуживают внимания. Эту проблему следовало бы вынести на обсуждение в ООН.

У. Необходимо переосмыслить или уточнить ранее высказанные точки зрения по некоторым актуальным проблемам международного права. Международное право — динамично развивающаяся система права, и, естественно, многие его положения, признаваемые ранее, не соответствуют сегодняшним реалиям и должны быть уточнены или дополнены.

Г. И. Тункин считал, что субъектами международного права являются государства, межгосударственные организации, нации, борющиеся за независимость. Он допускал наличие объединений государств, не являющихся субъектами международного права². При этом он не уточнил, что понимать под «объединением государств» (видимо, имелось в виду «Общий рынок» — ныне ЕС).

В учебнике Казанского университета значительно расширен круг субъектов международного права. Помимо традиционных субъектов в этот перечень с определенными оговорками включены индивиды, международные организации, международные хозяйственные объединения, международные судебные учреждения³. Конечно, этот перечень не является безупречным, но он соответствует тенденциям развития международной правосубъектности. Возможно, в перспективе (правда, далекой) эти акторы будут признаны субъектами международного права без каких-либо условностей.

Г. И. Тункин весьма жестко подверг критике резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 377 (V) от 3 ноября 1950 г. «Единство в пользу мира» как принятую в нарушение Устава ООН. «Эта резолюция, — писал он, — имела целью изменение основных положений Устава ООН»⁴. Главную опасность этой резолюции Г. И. Тункин видел в том, что она нарушает соотношение компетенции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности. По моему мнению, никакого нарушения Устава ООН в этом не усматривается.

¹ См.: *Bethlehem D.* Self-defense against an imminent or actual armed attack by nonstate actors // *American journal of International Law*. Vol. 106. 2012. No 4. P. 769–777.

² См.: *Тункин Г. И.* Право и сила в международной системе. М., 1983. С. 56–57.

³ См.: *Международное право. Общая часть: учебник*. М., 2011. С. 362–369.

⁴ *Тункин Г. И.* Теория международного права. М., 1970. С. 333.

В п. 1 резолюции указывается на то, что, если Совет Безопасности в результате разногласий постоянных членов оказывается не в состоянии выполнить свою главную обязанность по поддержанию международного мира и безопасности во всех случаях, когда имеются основания усматривать угрозу миру, нарушения мира или акт агрессии, Генеральная Ассамблея немедленно рассматривает этот вопрос с целью сделать членам Организации необходимые рекомендации относительно коллективных мер, включая — в случае нарушения мира или акта агрессии — применение, когда это необходимо, вооруженных сил для поддержания или восстановления международного мира и безопасности.

В Консультативном заключении от 20 июля 1962 г. «Определенные расходы ООН (п. 2 ст. 17 Устава)» Международный суд ООН отметил следующее: «Из Устава абсолютно ясно, что Генеральная Ассамблея также занимается вопросами поддержания международного мира и безопасности»¹.

Недавние события в Югославии, Сирии, Ливии, Мали, Египте и в других странах показали беспомощность Совета Безопасности в предотвращении вооруженных конфликтов с тяжелыми последствиями. Как было отмечено в учебнике МГЮА, Генеральная Ассамблея вправе в пределах Устава ООН делать соответствующие рекомендации государствам-членам и Совету Безопасности, и последний обязан исполнить эти рекомендации².

Г. И. Тункин полагал, что по общему международному праву не все межправительственные организации являются субъектами международного права³. Международный суд ООН неоднократно указывал на то, что **все** межправительственные организации являются субъектами международного права, вне зависимости от того, имеется или нет упоминание об этом в учредительных актах таких организаций.

В Уставе ООН, например, нет даже намек на правосубъектность этой Организации. Однако, как указал Международный суд в своем Консультативном заключении от 11 апреля 1949 г., ООН является субъектом международного права.

Один из разработчиков устава ООН С. Б. Крылов отрицал международную правосубъектность ООН даже после вынесения Международным судом Консультативного заключения от 11 апреля 1949 г., в котором было констатировано, что ООН обладает «в широкой степени международной правосубъектностью и способностью действовать в международном плане»⁴.

Г. И. Тункин негативно высказывался в отношении «имманентной компетенции» международной организации. «Поскольку уставы международных организаций являются международными договорами,— писал он,— концепция “имманентной компетенции” противоречит основному принципу права договоров — *pacta sunt servanda*»⁵.

¹ Summaries of Judgements, Advisory Opinions and Orders of the International Court of Justice. 1948–1991. N. Y., 1992. P. 75.

² См.: Международное публичное право / отв. ред. К. А. Бекяшев. М., 2011. С. 418.

³ Тункин Г. И. Указ. соч. С. 412.

⁴ См.: Крылов С. Б. История создания Организации Объединенных Наций. М., 1960. С. 253.

⁵ Р. Л. Бобров считал, что лишь некоторые межгосударственные организации и только в договорно-функциональных рамках являются субъектами международного права. (См.: Бобров Р. Л. Современное международное право: объективные предпосылки и социальное назначение. ЛГУ. 1962. С. 114.)

Международный суд ООН в Консультативном заключении от 20 июля 1962 г. «Определенные расходы ООН (п. 2 ст. 17 Устава)» отметил, что «презумпция состоит в том, что когда Организация предпринимает действия, которые могут рассматриваться как целесообразные с точки зрения выполнения одной из целей Объединенных Наций, то такие действия не выходят за пределы полномочий Организации»¹.

Ряд советских ученых (Р. Л. Бобров, Г. И. Морозов) считали, что межправительственные организации не обладают автономной волей, с чем согласиться нельзя. Международный суд ООН в своем Консультативном заключении от 11 апреля 1949 г. отметил, что Устав предоставляет ООН права и обязанности, отличающиеся от прав и обязанностей ее членов. Поэтому ООН правомочна предъявлять претензии в международном порядке, т. е. к любому субъекту международного права, и в том числе к государству — не члену Организации.

Указанные выше положения ни в коей мере нельзя считать критическими высказываниями в адрес корифеев советской науки международного права. Речь идет лишь об уточнении некоторых важных положений международного права. Труды Г. Тункина, Д. Б. Левина, Р. Л. Боброва, С. А. Малинина, Н. М. Минасяна и других востребованы студентами, магистрантами, аспирантами, они должны быть проинформированы о тех концепциях, которые объективно устарели. Видимо, соответствующим кафедрам следовало бы подготовить к изданию и издать труды советских ученых с современными комментариями. Такой блестящий пример известен всем. Фундаментальный труд Л. Оппенгейма «Международное право» в 1947 г. был выпущен в свет в 2 томах Г. Лаутерпахтом. В переводе на русский язык он издан в 1948 г. в 4 книгах. Девятое издание подготовили и издали в 1996 г. сэр Р. Дженнингс и сэр А. Уоттс, с соответствующими комментариями и дополнениями. Эта книга является для меня библией международного права, и она всегда при мне. Хотелось бы, чтобы труды наших учителей не были забыты и всегда были настольными книгами российских юристов-международников.

VI. Комиссия международного права ООН (КМП) — основной орган по кодификации международного права. Эта комиссия внесла заметный вклад в развитие международного права². В повестку дня этого органа включены проблемы, которыми Комиссия должна заниматься в ближайшие годы, в том числе: обязательство выдавать или осуществлять судебное преследование (*aut dedere aut judicare*); защита людей в случае бедствий; иммунитет должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции; последующие соглашения и последующая практика в отношении толкования договоров; временное применение договоров; формирование и доказательство существования международного обычного права: клаузула о наиболее благоприятствуемой нации³. Эти проблемы будут разрабатываться, может быть, не одно десятилетие.

VII. Рекомендации по пользованию данным учебником. В силу своей значимости международное право, как справедливо отмечается в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 48/29 от 9 декабря 1993 г., должно занять надлежащее место в системе преподавания правовых дисциплин во всех

¹ International Court of Justice. Reports. 1962. P. 168.

² Подробнее см.: Работа Комиссии международного права. Нью-Йорк, 1989.

³ См.: ООН. Генеральная Ассамблея. A/CN.4/656. 10 January 2013.

высших учебных заведениях. В своем обращении к деканам юридических факультетов во всем мире заместитель Генерального секретаря ООН по правовым вопросам Г. Корелл еще в 2000 г. справедливо указал на то, что международное право является таким же необходимым элементом, как и моральные ценности, лежащие в основе законодательных актов, принимаемых их демократически избранными парламентами. «Независимо от того, где вы проживаете, и без различия расы, пола, языка и религии, если использовать формулировку Устава Организации Объединенных Наций, — заключает Г. Корелл, — все вы несете общую ответственность за то, чтобы международное право заняло заметное место в процессе подготовки будущих поколений юристов в вашей стране. Мы должны быть признательны за существование между нами различия. Однако для того чтобы защитить себя и грядущие поколения, мы должны иметь что-то общее, что мы могли бы передать по наследству грядущим поколениям. Этим общим является международное право». В обращении особо подчеркивается необходимость обеспечения доступа студентов к договорам и источникам информации по международному публичному праву¹.

Генеральная Ассамблея ООН с 1965 г. ежегодно принимает резолюцию под названием «Программа помощи ООН в области преподавания, изучения, распространения и более широкого признания международного права». В эти резолюции постоянно включается фраза о том, что «международное право должно занять надлежащее место в системе преподавания правовых дисциплин во всех университетах».

В Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина (МГЮА) преподаванию международного права уделяется достаточно большое внимание. Оно преподается во всех 8 институтах, функционирующих в рамках Академии. Более того, уже более 10 лет функционирует международно-правовой институт, в котором наряду с общим курсом международного права ведутся спецкурсы и спецсеминары по 8 отраслям международного права (международные организации и конференции, право международной ответственности, международное морское право, международное гуманитарное право и др.).

Настоящий учебник для бакалавров подготовлен в соответствии с требованиями ФГОС ВПО по направлению подготовки 030900 «Юриспруденция» (квалификация (степень) — бакалавр) и рабочей программой, одобренной Университетом в 2012 г.

При подготовке специально предназначенного для бакалавров учебника авторский коллектив критически заимствовал все положительное и оригинальное из более чем 30 учебников, подготовленных кафедрами многих вузов России. В данном учебнике использованы научные труды зарубежных авторов (Я. Броунли, Д. Боуэнт, П. Бирни, А. Кассезе, Л. Опленгейм, М. Шо и др.), практика Международного суда ООН и других международных судебных органов (судов, арбитражей, трибуналов, третейских судов и др.).

Главы учебника состоят из параграфов, минимального списка рекомендуемой литературы и основных нормативных актов, а также контрольных вопросов. Внутри глав приводятся оригинальные положения доктрины и решений международных судебных органов. Они могут быть

¹ Текст обращения Г. Корелла см.: Московский журнал международного права. 2001. № 1. С. 10–15.